

УДК 821.161.1

ДИАЛОГ С ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ В ПРОЗЕ М. Н. ЗАГОСКИНА

СТАТЬЯ 1

РОМАН «ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ, ИЛИ РУССКИЕ В 1612 ГОДУ»

Александрова И. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия
E-mail: iva-510@mail.ru

В статье исследуется русская литературная рецепция английского готического романа на материале исторического романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829). Влияние готической традиции обнаруживается в нем не только в совпадении отдельных мотивов, ситуаций и персонажей, но и в ряде инвариантных структурных особенностей, присущих готическому повествованию. Столкновение противоборствующих социально-исторических сил представлено в «Юрии Милославском» как этический конфликт (борьба ангельского и дьявольского начал, добра и зла), с которым связаны идеи преступления и наказания, возмездия за грехи, родовой вины; участники противостояния сохраняют черты «готической антропологии». Готическая специфичность пространственно-временных характеристик романа обеспечивается значительной временной дистанцией и наличием характерных мест действия: события разворачиваются в начале XVII века в знаковых для Средневековья локусах – боярских хоробах (эквиваленте европейского замка), темнице, монастыре. Диалог романа Загоскина с готикой строится по принципу одновременного усвоения ее магистральных свойств и отталкивания от них, трансформации ряда существенных структурных элементов (дополнение «готического» хронотопа отсылками к настоящему, локусом храма; переосмысление мотивов колдовства, гибели демонической личности). Писатель адаптирует базовые черты «романа тайн» к изображению отечественной истории, русских верований, привносит осязаемый национальный колорит, использует фольклорные средства для воплощения русской ментальности.

Ключевые слова: Загоскин, традиция, исторический роман, готический роман, сюжет, хронотоп, этический конфликт.

ВВЕДЕНИЕ

Английский готический роман – яркое художественное явление конца XVIII – начала XIX века. Наиболее выразительными его прецедентами стали «Замок Отранто» Г. Уолпола, «Старый английский барон» К. Рив, «Ватек» У. Бекфорда, «Монах» М. Г. Льюиса, «Удольфские тайны» и «Итальянец» А. Радклиф, «Мельмот Скиталец» Ч. Мэтьюрина. Его эстетика оказала осязаемое влияние на европейский романтизм, явилась источником идей для мировой литературы последующих эпох.

Проблема русской литературной рецепции английской «готики» заинтересовала исследователей сравнительно недавно. Она оформилась в особое направление

литературоведческих поисков благодаря работам В. Э. Вацура и посмертному изданию его незавершённой монографии «Готический роман в России» [3]. По наблюдению ученого, отголоски «романа ужасов и тайн» «вплоть до 1830-х годов ощущаются в историческом романе» [3, с. III]. Однако, несмотря на явную связь этих двух художественных явлений, проблема влияния готического повествования на русский исторический роман в литературоведении практически не поднималась. В качестве исключения можно назвать лишь статью А. М. Скабичевского, затрагивающую в числе прочих вопрос о воздействии «готики» на «Последний Новик» И. И. Лажечникова [11], ряд наблюдений Е. О. Ларионовой в ее работе о прозе В. Т. Нарезного [6] и диссертационное исследование В. Я. Малкиной, один из параграфов которого рассматривает взаимодействие жанра исторического романа с традицией «романа тайн» [8]. Упомянутая книга В. Э. Вацура содержит наброски к главе «Исторический роман», однако анализ в этом ключе исторических произведений М. Н. Загоскина (1789 – 1852), одного из основоположников жанра в русской литературе, остался лишь в планах ученого [3, с. 525].

Многочисленные проявления влияний готической литературы на отечественную словесность отразила коллективная монография «Готическая традиция в русской литературе» (2008), но она основана на интерпретации в данном аспекте большей частью произведений писателей первого ряда, и творчеству М. Н. Загоскина места в ней, к сожалению, не нашлось.

Недостаточно полное и глубокое освоение обозначенной проблемы современной наукой и обеспечивает актуальность и новизну данного исследования. **Целью** его является идентификация структурных признаков готического повествования и определение их функционально-стилистического потенциала в романе М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829). Хотя это произведение имеет достаточно давнюю исследовательскую историю (см. работы А. М. Пескова, А. Ю. Сорочана, Т. М. Уздеевой, И. В. Черного, А. Н. Шохиной, И. П. Щерблыкина [9; 12–16] и многих других), однако в обозначенном аспекте оно не рассматривалось: основные векторы его осмысления пролегли преимущественно в

сфере теории жанра исторического романа, влияния творчества В. Скотта на его художественную структуру.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Приступая к анализу романа М. Н. Загоскина, прежде всего следует уточнить, что понимается под готической традицией в литературе. По заключению Г. В. Заломкиной, это «особая – в тематическом, сюжетно-композиционном и стилистическом отношении – художественная система» [5, с. 1] с присущими ей «собственной спецификой и границами» [5, с. 3]. «Только сохранение одной или нескольких инвариантных структурных особенностей готического романа позволяет относить то или иное произведение именно к *традиции готического романа*» [7, с. 32] (выделено авторами. – И. А.), – замечают В. Я. Малкина и А. А. Полякова в статье, предваряющей коллективную монографию «Готическая традиция в русской литературе». Выявляя конститутивные признаки готического романа, В. Я. Малкина в качестве базовых выделяет специфический хронотоп, этический конфликт, «присутствие (*и в хронотопе, и в сюжете*) сверхъестественного элемента» [8, с. 63]. Г. В. Заломкиной сделано важное наблюдение, что «именно элементы сюжета несут в себе... “готический заряд”» [5, с. 3].

«Роман тайн» с детства привлекал М. Н. Загоскина, входил в круг его чтения [2, с. 6], а основные структурообразующие черты «готического» повествования отразились в целом ряде произведений писателя: цикле повестей «Вечер на Хопре», романах «Рославлев, или Русские в 1812 году», «Аскольдова могила», «Брынский лес», «Искуситель» и др. Рассмотрим формы присутствия этих свойств в романе «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», хронологически близком к источнику традиции.

Одно из важнейших свойств готического романа – значительная временная дистанция. В этом отношении с ним сходен и роман исторический. В произведении Загоскина события разворачиваются в 10-е годы XVII столетия, т. е. в пору русского Средневековья, и обращение к этой эпохе уже изначально предполагало

инкорпорирование в повествование древних легенд, рассказов о таинственных происшествиях.

В «Юрии Милославском» воздействие готической традиции можно обнаружить в целом ряде присущих ей мотивов: пророчества, вещего сна, колдовства, пленения, заточения в подземелье, возмездия за грехи, запретной любви. Характерный для готической словесности мотив преследования невинной девушки также подхвачен Загоскиным, хотя и несколько редуцирован (судьба Анастасии, просватанной за врага – поляка пана Гонсевского). Главный герой оказывается перед нравственным выбором, что типично для готического сюжета. Присяга Милославского польскому королевичу Владиславу – это своеобразный аналог продажи души дьяволу (мотив, имеющий высокую частотность в готическом романе), но Юрий присягает врагу не по корыстным мотивам или из чувства самосохранения, а ради предполагаемого героем блага для России, в надежде на выход страны из кризиса: Владислав обещал москвичам принять православную веру и «сохранить землю Русскую в прежней её славе и могуществе» [4, с. 51]). Это заблуждение Милославского преодолевается им к финалу, и утрата им иллюзий знаменует инициацию героя.

В структуре сюжета загоскинского романа очень значим мотив тайны, хотя ее разгадывание и не становится сюжетомоделирующим, как в готическом повествовании. Так, в ореоле загадочности в начальных главах предстает некий могучий молчаливый человек, которого Юрий встретил на постоялом дворе, и только в конце повествования читатель узнает, что это нижегородский староста Козьма Минин, соратник князя Дмитрия Пожарского в ополчении против поляков.

«Готический» компонент проявляется и в особом хронотопе романа. Значение основного сюжетобразующего фактора в готическом романе приобрел хронотоп замка. По замечанию М. М. Бахтина, «Историчность замкового времени позволила ему сыграть довольно важную роль в развитии исторического романа. Замок пришел из прошлых веков и повернут в прошлое» [1, с. 278]. В «Юрии Милославском» русским аналогом средневекового европейского замка выступают хоромы боярина Кручины-Шалонского. Еще более очевидна связь с замковым хронотопом владений боярина на отдаленном хуторе в чаще Муромского леса, в гиблом месте, где «и в

полдни солнышка не видно» [4, с. 200], куда единственная дорога лежит через топкое болото, «бездонную трясиину». Окруженный непроходимым лесом хутор построен на развалинах древней обители, разоренной некогда татарами. Это чужое для положительных героев пространство, связанное со злом, грехом. С ним у Загоскина соотносится и мотив вероотступничества как родовой вины: отец Кручины был еретиком, «ничему не верил, в церковь не заглядывал <...> был ничем не лучше тех некрещеных бусурман, которые разорили пустынь» [4, с. 201]. Романист использует традиционный для литературной готики прием трансляции слухов: «сказывают», «бьют», «один старик... рассказывал» [4, с. 200], «был слух» – весьма частотные формулы в тексте романа при описании таинственных явлений и мест. С опорой на эти анонимные «источники» сообщается, что дом боярина овечьей дурной славой, построен на месте, где прежде была пустынь, напоминанием о которой остались только каменная ограда и подземные склепы; что ночами в доме «под землю кто-то охает и стонет» [4, с. 201]; что каждую ночь «перерезанные» татарами «монахи встают из могил и сходятся служить сами по себе панихиду» [4, с. 200]. Стенания, доносящиеся из-под земли, загадочные шорохи – типичный «реквизит» готического «романа ужасов», они выступают проявлением иррационального начала. У Загоскина таинственные звуки получают двойственное объяснение: «Был слух, что это живые люди, заточенные в подземелье; <...> все так мыслят, что это души усопших» [4, с. 201]. Архитектура дома Кручины вполне типична для готической словесности: «По всем углам четырехсторонней ограды построены были круглые башни, из которых две, казалось, готовы были ежеминутно разрушиться; но остальные, несмотря на все признаки ветхости, могли еще быть обитаемы» [4, с. 210]. Обветшалый, рушащийся замок относится к «общим местам» готической литературы. «Готическое» устройство господского жилища, нетипичное для Руси XVII века, Загоскин мотивирует тем, что его хозяин давно замечен «в подражании иноземцам и в явном презрении к простым обычаям предков» [4, с. 83]. Юрий, закованный в цепи, содержится во владениях Кручины в сумрачном подземелье; ведущая в него потайная лестница символически связывает верхнее и нижнее «иномирие». Таким образом, Загоскин обращается к типичному комплексу мотивов, служащих для описания

«проклятого места», «дома с привидениями». Его характеристике предшествует соответствующий «готический» пейзаж (глухая полночь, непроглядный мрак, небо в черных тучах, завывания ветра [4, с. 210–211]), чем обеспечивается напряженная атмосфера тревоги и страха.

Как известно, исторический роман Загоскина был ориентирован на художественный опыт Вальтера Скотта. Это сказалось и на специфике его хронотопа. Английский романист выходит за пределы замка как основного места разворачивания событий, связывает замковый хронотоп с другими, по наблюдению В. Я. Малкиной, у него «нигде замок не является единственным местом действия и единственным катализатором сюжета, как это часто бывало в «романах ужасов» [8, с. 12–13]. Автор «Юрия Милославского» следует этой же модели.

Поскольку в романе воссоздается *русское* Средневековье, важнейшей хромотопной координатой в нем становится церковь, что мотивируется значимостью православной веры для русского человека. Милославский впервые встречает Анастасию во время обедни в московском храме Спаса на Бору, и это глубоко символично: возникшее между ними чувство словно получает высшее благословение. Стремянный Шалонского Омляш со своей шайкой нападает на Юрия у разрушенной церкви («разбитые окна и совершенно обрушенная паперть» [4, с. 189]), и этот «руинный пейзаж» в данном контексте знаменует богохульство разбойников, их вероотступничество, попрание Божьих заповедей, глумление над святыми чувствами и человеческой жизнью. Эту же семантику имеет и описание поросших травой развалин церкви на хуторе Кручины-Шалонского [4, с. 210]. Избавление Юрия от присяги Владиславу также происходит в храме: ее снимает с Милославского, избравшего путь послушника в Сергиевой лавре, старец Авраамий Палицын. Позже, уже в церкви, где некогда состоялась первая встреча юных героев, он освободит молодого человека и от иноческого обета. В Хотьковском монастыре оставит Милославский Анастасию, отправляясь защищать Москву от врагов. Наконец, упокоятся Юрий и Анастасия на погосте Троицкого монастыря. Таким образом, с локусом храма / обители соотнесены все судьбоносные для героев события романа.

Атмосфера тайны и опасности связана не только с «проклятым местом», но и с лесом, представляющим собой «иное» пространство: с этим топосом соотнесены все злоключения героев (преследование Юрия поляками, его пленение Омляшом, засада в лесном овраге, нападение шишей (т. е. партизан) на отряд Кручины, с которым едет его дочь Анастасия, и т. д.). Среди мрачного леса расположены владения Шалонского. Описание леса («дремучий бор, как черная бесконечная полоса, обрисовался на пламенеющем востоке» [4, с. 66]; «Всё было мертво вокруг, и только изредка черный ворон... перелетал с одной сосны на другую» [4, с. 67]; «Эка трущоба – зги Божьей не видно!» [4, с. 67]) предвещает встречу с необъяснимым, загадочным. Хотя в данном эпизоде ничего инфернального не происходит, влияние готической традиции ощутимо в пассаже, следующем за приведенными характеристиками: «среди частого кустарника, подобно *огромным седым привидениям*, угрюмо возвышались вековые сосны и ветвистые ели» [4, с. 66] (выделено мной. – И. А.). Именно в лесу нищая старуха предрекает бабушке Юрия будущую судьбу внука, при этом экспозицией встречи женщин становится ужасная гроза (эквивалент зловещего пейзажа, предваряющего эпизоды контакта с инфернальным миром в готической литературе) [4, с. 194]. В третьей части романа описана дорога, ведущая к лесу через глубокий овраг, и нисхождение в него знаменует для позитивных героев соприкосновение с силами зла. И действительно, взгляду Юрия открывается характерная для готического повествования ужасающая картина: «освещенная полным месяцем, вся правая сторона поляны была покрыта кучами мертвых тел» [4, с. 254].

В глубине леса находится лачуга полесовщика, где обретает пристанище раненый Кручина-Шалонский. В другой лесной избушке обитает колдун Кудимыч. Данные локусы по смыслу синонимичны традиционной для «готики» хижине отшельника, живущего вдали от людских глаз. Загоскиным, однако, этот мотив отчасти травестируется, так как «колдун» оказывается «поддельным» и нечистым на руку. Ирония автора распространяется и на ставшее в готическом романе штампом расхожее восприятие леса как средоточия нечистой силы: Загоскин подчеркивает, что в современную ему эпоху, в отличие от давно минувшей, в лесу бродят лишь

голодные волки да «завывают филины и сычи», однако «эти мелкие второклассные ужасы... уже износились во всех страшных романах» [4, с. 209].

Как представляется, в описании леса Загоскин дополняет готическую традицию чертами традиции фольклорной. Задолго до появления готического романа, базирующегося на художественной реализации центральных «готических» категорий страха и ужаса, в русском фольклоре существовали жанры, апеллировавшие к этим же эмоциональным состояниям, повествующие о страшных событиях и инфернальных явлениях: былички, предания, легенды, волшебные сказки. Лес в них осмыслялся как топос, характеризующийся удаленностью от людского жилища, непроходимостью, близостью с «тому свету», небытию, и воспринимался как место тайн, опасности, неизведанного, испытаний героя, обитания сверхъестественных существ [10, с. 99]. Эти представления отчасти сохраняются и в романе Загоскина: хотя изображаемый писателем лес и не связан буквально с привычными фантастическими явлениями, прохождение через него для Юрия исполнено опасности и означает испытание силы духа, преодоление препятствий на пути к счастью, обретение знания о мире и о самом себе.

Центральный конфликт романа – столкновение противоборствующих социально-исторических сил – приобретает в «Юрии Милославском» сугубо этическую окраску: борьба положительных и отрицательных героев интерпретируется романистом как противостояние добра и зла, «ангельского» и «дьявольского» начал. Так, если во внешности Юрия акцентируются белизна лица и большие голубые глаза, он назван «ангелом во плоти» [4, с. 191], то, к примеру, у гетмана Лисовского, по словам одного из персонажей, «такое демонское лицо, что он и на человека не походит» [4, с. 54]; в глазах Шалонского «отражалась вся злоба адской души его» [4, с. 142]; взгляд же Истомы «напоминал так живо *соблазителя*, что набожный Юрий едва удержался и не сотворил молитвы» [4, с. 163-164] (выделено автором. – И. А.), и боярин с «адским наслаждением обрекал гибели сограждан своих» [4, с. 163]. Рыжий земский, насмехающийся на постоялом дворе над Пожарским, «с рожи-то очень похож» [4, с. 46] на сатану. Пьяное веселье в хоромы боярина Кручины изумляет Юрия своим бесстыдством: «он не смел никогда

и помыслить, чтоб человек, созданный по образу и подобию Божию, мог унизиться до такой степени. Все гости походили на беснующихся» [4, с. 128].

Положительные герои романа, в трактовке его автора, – люди «истинно русские», проявляющие наилучшие качества национального характера: глубокую религиозность, тяготение к соборности, честность, самоотверженность, выносливость в испытаниях, преданность царю и отечеству. Герои же негативные у Загоскина – непременно изменники и враги. В их характеристиках романист настойчиво подчеркивает звериное начало. Так, Истома-Туренин глядит «исподлобья, словно дикий зверь» [4, с. 188]; в голосе Омляша, похожего «на медведя», слышен «дикий рев животного, с которым он имел столь близкое сходство» [4, с. 153]; глаза Шалонского «засверкали, как у тигра» [4, с. 110]; гетман Гонсевский мечтает, «чтоб нижегородцы положили оружие, так же, как желает хищный волк, чтоб стадо осталось без пастыря и защиты» [4, с. 86] (более развернутое наблюдение на эту тему содержится в статье А. М. Пескова [9, с. 14]). Когда шиши собираются повесить ни в чем не повинную Анастасию, видя в ней лишь дочь предателя и невесту врага, в них также появляется нечто звериное («зверские рожи», «зверский хохот» [4, с. 250]), т. е., совершая неправый поступок, они уподобляются врагам.

В романе Загоскина можно обнаружить и черты «готического антропологизма» [8, с. 32]. В этом отношении особенно показательны характеристики «злодея» Шалонского: «адская душа» [4, с. 142]; «Бледное лицо, носящее на себе отпечаток сильных, необузданных страстей... серые небольшие глаза, которые, сверкая из-под насупленных бровей, казалось, готовы были от малейшего прекословия запылать бешенством» [4, с. 86]; «как раскаленный уголь, сверкающие глаза» [4, с. 123]. Его буйная натура проявляется в откровенном разбое и бесчеловечных поступках (например, он мучит крестьян, нещадно разоряет свои вотчины, устраивает «потешные зрелища»: зашивает в медвежью шкуру и травит собаками соседа-помещика, приказывает в мороз поливать водой старика и т. п.). Однако у Загоскина акцентная для готического повествования сцена гибели «злодея» претерпевает существенную трансформацию. Его грешник неожиданно перерождается, и способствует этому преображению проповедь христианской любви, с которой

обращается к нему юродивый Митя: «Закоснелое в преступлениях сердце боярина Кручины забилось раскаянием <...> на бледном, полумертвом лице изобразилась последняя ужасная борьба порока, ожесточения и сильных страстей» [4, с. 260]. Такой исход психологически малоубедителен, но вполне соответствует авторской концепции русского мира, способного оказывать положительное влияние на нечестивых вероотступников. Гибель злого начала знаменует в романе пепелище, которое обнаруживается на месте вотчины Кручины-Шалонского.

Чертами «традиционности» отмечен и образ нижегородского боярина Истома-Туренина, приятеля Кручины. Это несколько иной вариант «злодея»: сохраняя внешнее благообразие, проявляя ум, отлично умея владеть собой, он добивается уважения новгородцев. Поначалу боярин располагает к себе и Юрия, кажется ему весьма привлекательным и добросердечным, т. е. писателем подчеркнуто особое влияние Туренина на людей, порой помимо их воли. Тем поразительнее оказывается для Милославского произошедшая на его глазах метаморфоза: «этот взор, который за минуту до того обворожил своим добродушием и вдруг сделался похожим на ядовитый взгляд василиска, напоминал так живо соблазнителя...» [4, с. 163]. На самом деле Туренин честолюбив, коварен, мстителен, ненавидит зачинщиков смуты в Нижнем, жаждет жестокого наказания для них, способен на низкие поступки. Его предательство, измена родине, пособничество врагам – отнюдь не уникальная ситуация для готического романа. «Демонизм» героя подчеркнут, как уже было отмечено, сопоставлениями со звериным миром, с «темными» силами.

ВЫВОДЫ

В структуре сюжета и системе персонажей романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» готическая традиция играет существенную роль. Ее влияние состоит не только в совпадении отдельных мотивов и ситуаций, а носит более значимый характер, проявляясь в ряде инвариантных структурных особенностей, присущих готическому роману. Специфичность хронотопа романа связана со значительной временной дистанцией (начало XVII столетия), события разворачиваются в пространстве знаковых средневековых зданий и сооружений – боярских хором

ДИАЛОГ С ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ В ПРОЗЕ М. Н. ЗАГОСКИНА...

(аналог замка), развалин, темницы, храма, монастыря. Как и в готическом романе, конфликт у Загоскина носит этический характер и связан с проблемами преступления и наказания, идеей возмездия за грехи, родовой вины. «Готическая» составляющая помогает романисту воссоздать дух и колорит русского Средневековья: привносит элемент сверхъестественного, обеспечивает атмосферу таинственности, загадочности. Диалог романа Загоскина с готикой строится по принципу одновременного усвоения ее магистральных свойств и отталкивания от них, трансформации ряда существенных структурных элементов (дополнение «готического» хронотопа отсылками к настоящему, локусом храма как средоточия русской духовности; переосмысление мотивов колдовства, гибели демонической личности). Опираясь на готическую традицию, опосредованную исторической романистикой В. Скотта, М. Н. Загоскин, вместе с тем, предпринимает адаптацию характерных черт «романа тайн» к изображению отечественной истории, русских верований, передает колорит русской старины, привносит ощутимый национальный компонент, связь с фольклором как воплощением русской ментальности.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе [Текст] / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М. : Худож. лит., 1986. – С. 121–290.
2. Беляев, Ю. Отец русского исторического романа [Текст] / Ю. Беляев // Загоскин М. Н. Аскольдова могила. Романы, повести. – М. : Современник, 1989. – С. 3–23.
3. Вацуро, В. Э. Готический роман в России [Текст] / В. Э. Вацуро. – М. : НЛО, 2002. – 544 с.
4. Загоскин, М. Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году [Текст] / М. Н. Загоскин // Загоскин М. Н. Сочинения : в 2 т. – Т. 1: Историческая проза. – М. : Худож. лит., 1988. – С. 35–286.

5. Заломкина, Г. В. Поэтика пространства и времени в готическом сюжете. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Г. В. Заломкина. – Самара, 2003. – 19 с.
6. Ларионова, Е. О. К истории раннего русского шиллеризма [Текст] / Е. О. Ларионова // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацура. – М. : НЛО, 1995–1996. – С. 36–49.
7. Малкина, В. Я. Введение [Текст] / В. Я. Малкина, А. А. Полякова // Готическая традиция в русской литературе / Под ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : РГГУ, 2008. – С. 15–35.
8. Малкина, В. Я. Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра: На материале русской литературы XIX – начала XX века. Дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / В. Я. Малкина. – М. : РГГУ, 2001. – 216 с.
9. Песков, А. М. Исторический роман М. Н. Загоскина «Юрий Мирославский» [Текст] / А. М. Песков // Загоскин М. Н. Юрий Мирославский, или Русские в 1612 году. – М. : Худож. лит., 1983. – С. 5–20.
10. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. [Текст] / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 1. А – Г. – М. : Международные отношения, 1995. – 488 с.
11. Скабичевский, А. М. Наш исторический роман в его прошлом и настоящем [Текст] / А. М. Скабичевский // Скабичевский А. М. Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – СПб., 1895. – С. 635–643.
12. Сорочан, А. Ю. Мотивировки в русском историческом романе 1830 – 40-х гг.: автореф. дис. ...канд. филол. наук [Текст] / А. Ю. Сорочан. – Тверь, 2000. – 24 с.
13. Уздеева, Т. М. Типология эпических жанров в творчестве М. Н. Загоскина: автореф. дис...канд. филол. наук [Текст] / Т. М. Уздеева. – М. : МПГУ им. В. И. Ленина, 1992. – 14 с.
14. Черный, И. В. Исторический роман М. Н. Загоскина: автореф. дис. ...канд. филол. наук [Текст] / И. В. Черный. – Харьков, 1990. – 15 с.
15. Шохина, А. Н. Художественное воплощение исторического процесса в романах В. Скотта и М. Н. Загоскина : автореф. дис. ...канд. филол. наук [Текст] / А. Н. Шохина. – Нижний Новгород, 2010. – 20 с.

16. Щеблыкин, И. П. У истоков русского исторического романа [Текст] / И. П. Щеблыкин. – Пенза : ПГПИ им. В. Г. Белинского, 1992. – 180 с.

References

1. Bakhtin M. M. *Formy Vremeni i Hronotopa v Romane* [Forms of Time and Chronotope in the Novel]. Bakhtin M. M. *Literaturno-Kriticheskie Stat'i*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1986. Pp. 121–290.
2. Belyaev Ju. *Otets Russkogo Istoricheskogo Romana* [The Father of the Russian Historical Novel]. Zagoskin M. N. *Askol'dova Mogila. Romany, Povesti*. Moscow: Sovremennik Publ., 1989. Pp. 3–23.
3. Vatsuro V. Ye. *Goticheskii Roman v Rossii* [The Gothic Novel in Russia]. Moscow: NLO Publ., 2002. 544 p.
4. Zagoskin M. N. *Yurii Miloslavskii, ili Russkie v 1612 godu* [Yuri Miloslavskii, or Russians in 1612]. Zagoskin M. N. *Sochineniya: v 2 t. Vol. 1: Istoricheskaya Proza*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1988. Pp. 35–286.
5. Zalomkina G. V. *Poetika Prostranstva i Vremeni v Goticheskom Syuzhete: Avtoref. Diss. ... Kand. Filol. Nauk* [Poetics of Space and Time in the Gothic Story]. Samara, 2003. 19 p.
6. Larionova E. O. *K Istorii Rannego Russkogo Shillerizma* [On the History of Early Russian Schillerism]. *Novye Bezdelki: Sbornik Statei k 60-letiyu V. Ye. Vatsuro*. Moscow: NLO Publ., 1995–1996. Pp. 36–49.
7. Malkina V. Ya., Polyakova A. A. *Vvedenie* [Introduction]. *Goticheskaya Traditsiya v Russkoi Literature*. Moscow: RGGU Publ., 2008. Pp. 15–35.
8. Malkina V. Ya. *Poetika Istoricheskogo Romana. Problema Invarianta i Tipologiya Zhanra: Na Materiale Russkoi Literatury 19 – Nachala 20 Veka: Diss. ... Kand. Filol. Nauk* [The Poetics of the Historical Novel. The Problem of Invariant and Typology of the Genre: on the Material of Russian Literature of the 19th – early 20th Centuries. Abstract of Thesis]. Moscow: RGGU Publ., 2001. 216 p.

9. Peskov A. M. Istoricheskii Roman M. N. Zagoskina «Yurii Miloslavskii» [The Historical Novel Yuri Miloslavsky by M. N. Zagoskin]. Zagoskin M. N. Yurii Miloslavskii, ili Russkie v 1612 Godu. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1983. Pp. 5–20.
10. Slavyanskii Drevnosti. Etnolingvisticheskii Slovar' : v 5 t. [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Volumes]. Vol. 1: A – G. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1995. 488 p.
11. Skabichevskii A. M. Nash Istoricheskii Roman v ego Proshlom i Nastoyashchem [Our Historical Novel in His Past and Present]. Skabichevskii A. M. Sochineniya: In 2 Volumes. Vol. 2. SPb., 1895. Pp. 635–643.
12. Sorochan A. Yu. Motivirovki v Russkom Istoricheskom Romane 1830 – 40-h gg.: Avtoref. Dis. ...Kand. Filol. Nauk [Motivation in the Russian Historical Novel of the 1830s – 1840s years]. Tver', 2000. 24 p.
13. Uzdeeva T. M. Tipologiya Epicheskikh Zhanrov v Tvorchestve M. N. Zagoskina: Avtoref. Dis. ...Kand. Filol. Nauk [Typology of Epic Genres in the Works by M. N. Zagoskin]. Moscow, 1992. 14 p.
14. Chernyi I. V. Istoricheskii Roman M. N. Zagoskina: Avtoref. Dis. ...Kand. Filol. Nauk [The Historical novel by M. N. Zagoskin]. Khar'kov, 1990. 15 p.
15. Shokhina A. N. Khudozhestvennoe Voploshchenie Istoricheskogo Protsessa v Romanakh V. Skotta i M. N. Zagoskina: Avtoref. Dis. ...Kand. Filol. Nauk [Artistic Embodiment of the Historical Process in the Novels by W. Scott and M. N. Zagoskin]. Nizhnii Novgorod, 2010. 20 p.
16. Shcheblykin I. P. U Istokov Russkogo Istoricheskogo Romana [Russian Historical Novel ab origine]. Penza, 1992. 180 p.

THE DIALOGUE WITH THE GOTHIC TRADITION IN M. N. ZAGOSKIN'S
PROSE. ARTICLE 1. THE NOVEL *YURI MILOSLAVSKY, OR THE RUSSIANS IN
1612*

Aleksandrova I. V.

Summary. The article examines the Russian literary reception of the English Gothic novel on the material of M. N. Zagoskin's historical novel *Yuri Miloslavsky, or Russians in 1612* (1829). The influence of the Gothic tradition is found not only in the coincidence of certain motives, situations and characters, but also in a number of invariant structural features typical of Gothic novel. In the novel, the clash of confronting socio-historical factors is presented as ethical conflict (the struggle between angelic and demonic forces, the conflict between Good and Evil), which is connected with the ideas of crime and punishment, the retribution for the sins, family guilt; those involved in confrontation preserve the features of "gothic anthropology". Special gothic spatiotemporal characteristics of the novel are considerable time distance and specific locations: the scene is laid in the emblematic early 17th century medieval loci, such as boyars' mansions (the analogue of the European castle), dungeon, monastery. The dialogue of Zagoskin's novel with the gothic tradition is based on the principle of simultaneous assimilating and rejecting its basic features, transforming some of its important structural elements, i.e. supplementing "gothic" chronotope with references to the past, temple locus; reconsideration of sorcery motif and demonic characters death motif. Zagoskin adapts the basic properties of the "novel of secrets" to the image of Russian history, Russian beliefs, conveys the flavor of Russian antiquity, introduces a national component, connection with folklore principles as an expression of Russian mentality.

Key words: Zagoskin, tradition, historical novel, gothic novel, plot, chronotope, ethical conflict.